

зующее признаки самостоятельного преступления, выступает фактическим основанием для привлечения лица «повторно» к уголовной ответственности. Уклонение от исполнения возложенных судом на осужденного обязанностей при применении иных мер уголовной ответственности¹ порождает иные, менее репрессивные способы правового регулирования уголовно-правовых отношений. Это связано прежде всего с тем, что именно судом с учетом характера и степени общественной опасности совершенного преступления, личности виновного и иных обстоятельств дела, а не самим себе виновным были предоставлены «льготы» в определении его уголовно-правового статуса.

Анализ вышеперечисленных норм уголовного закона, регулирующих правовой статус лица, уклоняющегося от исполнения возложенных судом обязанностей при осуждении к иным мерам уголовной ответственности, позволяет сделать вывод о признаках специального субъекта уклонения от исполнения возложенных судом обязанностей в виде определенных в приговоре судом правоограничений²; утверждать о реализации принципа индивидуализации уголовно-правового воздействия, применяемого к лицу, совершившему преступление, посредством использования возможности индивидуального подхода к определению круга возлагаемых на осужденного судом обязанностей; вести речь о реализации принципа индивидуализации уголовно-правового воздействия при решении вопроса о необходимости в случае уклонения от исполнения возложенных на лицо обязанностей возврата к более репрессивным по своему характеру и содержанию мерам уголовно-правового воздействия.

О.П. Колченогова

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕОРИИ СОЦИАЛЬНЫХ ОСНОВ ИНДИВИДУАЛЬНОГО ПРЕСТУПНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Формирование современных социальных теорий преступности относится к началу XX в. Оно было связано с тем, что тенденции динамики преступности противоречили как теориям механистического социального детерминизма (преступность росла быстрее роста населения), так и классовым теориям конфликта (по мере сглаживания классовых противоречий преступность не только не исчезала, но даже и не уменьшалась). В свое время по этому поводу французский криминалист Габриэль Тард сказал: «Как! Рост трудовой деятельности и богатства делает естественным рост преступлений и преступников! А где же, следовательно, нравственная сила

¹ Речь идет о мерах уголовной ответственности, не связанных с осуждением с применением назначенного наказания.

² Субъектом в указанных составах уклонения выступает лицо, обязанное исполнить индивидуально определенные обязанности возложенные на него в установленном порядке.

труда, нравственная добродетель богатства, о которых столько говорили? Образование сделало большие успехи. Где же благодетельное, столь прославленное действие просвещения на нравы? Как! Три великих предупредительных лекарства от социальной болезни: труд, общее довольство и образование – усиленно действовали не раз, а поток преступности, вместо того чтобы пересохнуть, вдруг вышел из берегов» [1, с. 257]. Было выдвинуто предположение о том, что экономическое положение рабочего класса должно пониматься не только как финансовое, но и духовное, нравственное и политическое их положение [2, с. 100], однако даже с учетом этого классовые теории оказались не способными объяснить рост преступности и ее качественные изменения (рост числа безмотивных и хулиганских преступлений, появление массовых убийств, распространение преступности, связанной с наркотиками, и другие тенденции), появилась потребность в новых теориях социальных явлений, и в том числе преступности [3, с. 116].

Выделяют четыре основные современные теории социальных основ индивидуального преступного поведения.

К первой следует отнести теорию социальной аномии. Попытка объяснить противоречия в обществе была предпринята французским социологом Эмилем Дюркгеймом. Он первым сформулировал понятие социальной аномии, которое было позже воспринято другими криминологами.

Свой анализ явлений социальной аномии Э. Дюркгейм начинает с констатации положения о том, что всякое живое существо может жить, а затем чувствовать себя более счастливым только при том условии, что его потребности находят свое достаточное удовлетворение. Важным условием при этом является равновесие между стремлением (их границами, пределами) и степенью удовлетворения этих стремлений.

При этом если биологические потребности (в еде, сне и т. д.) ограничены естественным образом, то для социальных потребностей (стремление к благополучию, роскоши, комфорту) никаких внутренних ограничивающих механизмов не существует, их пределы могут быть определены только обществом. В нормальных условиях человек ощущает ограничения, накладываемые обществом, и подчиняясь его коллективному авторитету, его требования не превышают некоего социально-приемлемого уровня. Однако в случае, когда в обществе отсутствуют некие устоявшиеся пределы стремлений для отдельных его членов, как это бывает при различных общественных потрясениях, как отрицательного, так и положительного характера, до прихода общества в равновесие ни один его член не знает точно, какие потребности окажутся чрезмерными, а какие нет. Это состояние Э. Дюркгейм называет социальной аномией. В широком плане аномия – это «нарушения в ценностно-нормативных системах личности и социальных групп, ценностно-нормативный вакуум, неэффективность социальных и прежде всего правовых норм», которые и определяют совершение преступлений. Дюркгейм приходит к выводу, что преступность – это нормальное общественное явление. Ее существование означает проявление

условий, которые необходимы для того чтобы общество не останавливалось в своем развитии, преступность подготавливает почву для общественного прогресса, а ненормальной является лишь чрезмерная или слишком низкая преступность [4, с. 42]. Э. Дюркгейм полагал, что даже если у общества каким-то образом получится перевоспитать или уничтожить существующих преступников (воров, убийц, насильников и т. д.), общество будет вынуждено сделать преступными другие деяния, которые раньше таковыми не считались. Это объясняется тем, что преступник представляет собой отрицательную ролевую модель поведения, необходимую для формирования человека как полноценного члена общества. Этот вывод достаточно парадоксален и потому встретил серьезное противодействие со стороны других криминологических школ. Тем не менее ценность его теории заключается в том, что он объясняет все неудачи попыток радикальным образом искоренить преступность. Идеи Э. Дюркгейма были развиты американским социологом Робертом Мертоном, который проанализировав причины роста преступности в американском обществе, сделал вывод, что независимо от классовой структуры общества, от его экономического, политического и иного развития интенсивность антисоциального поведения будет расти, если выполняются два условия: в обществе господствует идеология, ставящая некие символы успеха, якобы общие для населения в целом, превыше всего (в американском обществе Р. Мертон считал таким символом богатство); существенная часть населения не имеет никаких или почти никаких законных средств для достижения целей, задаваемых этими символами. Именно теория социальной аномии определила развитие и современный характер американской криминологии.

Вторая – теория конфликта культур, разработанная американским криминологом Торстеном Селлином. Согласно данной теории, выдвигается положение о том, что совершение преступлений является одним из возможных результатов разрешения конфликта, возникающего вследствие того, что один и тот же человек входит в различные социальные группы с различным мировоззрением и стереотипами поведения (семья, коллеги по работе, национальные и этнические сообщества) [5, с. 27].

Третья – теория стигматизации. Значительный вклад в развитие теории стигматизации внесли американские криминологи Эдвард Лемерт и Говард Беккер. Арест и осуждение, по мнению исследователей, закрепляют за человеком статус преступника (клеймо). Основные положения теории стигматизации сводятся к следующему: не существует абсолютных признаков преступления, определение того или иного деяния в качестве преступного зависит исключительно от реакции людей; преступники практически ничем не отличаются от не преступников; воздействие судебной системы и карательного аппарата носит скорее негативный нежели позитивный характер, оно причиняет больше вреда, чем пользы; не следует «драматизировать зло», важна не кара, а меры которые могли бы удерживать человека от преступления, предотвратить раскол общества на два враж-

дебных лагеря: преступников и не преступников [6, с. 173–175]. Эта теория предполагала коррекцию практики воздействия на преступность в следующих направлениях: расширение не карательных мер; поиск и внедрение карательных мер, исключающих стигму (например, телесные наказания); поиск путей снижения эффекта стигматизации применительно к карательным мерам (например, краткосрочного тюремного заключения).

Четвертая – теория дифференциальной ассоциации (теория субкультур). Другая попытка объяснить, как люди становятся преступниками, была сделана американским социологом Эдвином Сатерлендом, «первооткрывателем» беловоротничковой преступности. В основу созданной им теории дифференциальной ассоциации легла гипотеза о том, что человек становится преступником в результате обучения противоправному поведению в социальных микрогруппах (семья, улица, школа и т. д.). Основные положения теории дифференциальной ассоциации сводятся к следующему: девиантному поведению учатся. Девиантное поведение усваивается при взаимодействии с другими людьми, особенно в случаях, когда такое взаимодействие носит тесный личный характер. При обучении усваиваются как техники совершения преступления, так и их мотивы, рациональное объяснение поведения и отношение к нему. Когда оценки, благоприятствующие правонарушению, берут верх над оценками, которые ему не благоприятствуют, человек становится преступником. Обучение преступному поведению осуществляется с использованием тех же самых механизмов, что и обучение любому другому типу поведения. Недостатком данной теории является сложность формализации используемых в ней понятий. Отмечается, что крайне трудно определить и измерить те «оценки», которые должны способствовать или препятствовать совершению преступлений [7, с. 146–147]. Кроме того, во многих случаях дружба с преступниками не влечет за собой совершения впоследствии каких-либо противоправных действий, в результате чего неясно, что является причиной, а что следствием: отклоняющееся поведение или наличие друзей с таким поведением. Научное значение теории Э. Сатерленда заключалось в том, что он попытался объяснить преступное поведение на основе анализа взглядов, жизненных ориентаций, оценок, умений и привычек людей. Такой подход дал мощный импульс к криминологическим исследованиям в этом направлении. Были разработаны определенные рекомендации по делению осужденных на группы и их разделению по содержанию, чтобы воспрепятствовать обмену их криминогенным опытом.

Библиографические ссылки

1. Тард Г. Преступность и преступление. Сравнительная преступность. Преступления толпы / сост. и предисл. В.С. Овчинского. М., 2004. С. 257.
2. Лист Ф. Задачи уголовной политики. Преступление как социально-патологическое явление. М., 2004. С. 100.

3. Криминология : учебник / под ред. В.Н. Кудрявцева и В.Э. Эминова. М., 1997. С. 116.
4. Дюркгейм Э. Норма и патология // Социология преступности. М., 1966. С. 42.
5. Варчук Т.В. Криминология : учеб. пособие. М., 2002. С. 27.
6. Иншаков С.М. Зарубежная криминология. М., 1997. С. 173–175.
7. Шур Э. Наше преступное общество. М., 1977. С. 146–147.

И.Д. Котов, И.И. Куценков

ОСНОВАНИЯ И ПРАКТИКА ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ ПО СТ. 411 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

В целях предупреждения совершения на территории исправительных учреждений (ИУ) преступлений их администрацией на протяжении ряда лет возбуждаются уголовные дела по ст. 411 Уголовного кодекса Республики Беларусь (УК) в отношении осужденных, злостно нарушающих установленный порядок отбывания наказания, оказывающих противодействие администрации ИУ в выполнении ее функций.

В результате возбуждения уголовных дел по ст. 411 УК в отношении осужденных, оказывающих злостное неповиновение требованиям администрации ИУ, реализуются задачи уголовного законодательства Республики Беларусь по охране установленных законом в исправительных учреждениях правил поведения осужденных, предупреждению новых преступлений и воспитательному воздействию на спецконтингент, обеспечивается принцип неотвратимости наказания за совершение противоправных деяний в местах лишения свободы.

Количество возбуждаемых уголовных дел по ст. 411 УК неуклонно растет. Так, если в 2005 г. возбуждено 33 уголовных дела, то в 2009 г. – 154.

Под злостным неповиновением законным требованиям администрации следует понимать открытый отказ от исполнения либо неисполнение обращенного к конкретному осужденному требования представителя администрации, который в силу своего должностного положения имел право предъявить данное требование, а осужденный был обязан и мог его выполнить, но умышленно не выполнил.

Законное требование представителя администрации исправительного учреждения основывается не только на его полномочиях, но и на конкретных обязанностях осужденного. При решении вопроса о наличии злостного неповиновения со стороны осужденного необходимо обращаться к нормативным документам, регламентирующим правовое положение представителей администрации и осужденных, их взаимоотношения, например к уголовно-исполнительному кодексу Республики Беларусь (УИК), Правилам внутреннего распорядка исправительных учреждений (ПВР ИУ).

Совершение осужденными более тяжких преступлений, например хулиганства, причинение менее тяжких и тяжких телесных повреждений,

убийств квалифицируются по соответствующим статьям УК и дополнительной квалификации по ст. 411 не требуют.

К числу основных функций, осуществление которых возлагается на администрацию ИУ, относятся обеспечение установленного порядка исполнения наказания в виде лишения свободы, организация воспитательной работы и труда осужденных, их общеобразовательного и профессионального обучения и общественного воздействия на них. Реализация каждой из этих функций осуществляется путем исполнения функциональных обязанностей конкретным представителем администрации. Следовательно противодействие осужденного администрации проявляется как противодействие ее представителю в выполнении им своих функциональных обязанностей.

К числу представителей администрации ИУ относятся должностные лица, уполномоченные ст. 115 УИК и п. 331 ПВР ИУ, на применение к осужденным мер поощрения и взыскания, а также иные лица, наделенные властными полномочиями в отношении осужденных (ДПНК, ДПНТ, начальник отряда и др.)

Местом совершения преступления является территория исправительного учреждения, исполняющего наказание в виде лишения свободы, а также контрагентских объектов, на которых работают осужденные.

Злостное неповиновение требованиям администрации исправительного учреждения характеризуется умышленной формой вины в виде прямого умысла. Осужденный осознает, что оказывает злостное неповиновение администрации ИУ, за что может быть переведен в ПКТ, специализированную палату, одиночную камеру или в тюрьму, и желает этого.

Обязательным признаком субъективной стороны данного преступления является цель, под которой следует понимать умышленные действия по противодействию администрации ИУ в осуществлении ее функций.

Субъектом преступления является лицо, отбывающее наказание в виде лишения свободы в исправительном учреждении, исполняющем наказание в виде лишения свободы, которое ранее в течение года подвергалось дисциплинарному взысканию в виде перевода в помещении камерного типа, специализированную палату, одиночную камеру или переводилось в тюрьму за нарушение режима отбывания наказания.

В процессе доказывания по уголовным делам данной категории одним из важнейших доказательств являются материалы о наложении на осужденного дисциплинарных взысканий.

Таким образом, при возбуждении уголовного дела по ст. 411 УК остро встает вопрос обоснованности наложения дисциплинарных взысканий на осужденных, качества оформления соответствующих документов, поскольку в случае необоснованного наложения взыскания либо неправильном документальном оформлении выявленного нарушения неправомерно наложенное взыскание подлежит отмене, а это, в свою очередь, может привести к прекращению уголовного преследования по п. 2 ч. 1 ст. 29 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – УПК) за отсутствием состава преступления.